

формировании идеологии императора-работорбца, присутствующей в посланиях в армию Константина Багрянородного. А.Н. Герштейн остановилась на новых чертах имперской идеи, появившейся в годы правления Фридриха II Гогенштауфена на Сицилии и в Священно-Римской империи. Он показал, что Фридрих придерживался взгляда личной богоизбранности монарха, который должен принять участие в крестовом походе. Одновременно Фридрих претендовал на роль нового Юстиниана в области законодательства и на роль нового Августа в политике. На идейных новациях Людовика XI остановилась Л.А. Доронина (Саратовский ГУ). По ее мнению, в составленном им наставлении для дофина монарх писал о всем французском королевстве как о своей сеньории. Король полагал, что главное предназначение государя — забота об общем благе, которое состояло в умножении материального богатства страны, а также в обеспечении справедливости и мира для подданных.

Тему исторических мифологем затронул доклад Р.М. Асейнова (МГУ), посвященный средневековой Бургундии и мемуарам Оливье де ла Марша, который в своем произведении изрядно удревнил историю Бургундского герцогства, доведя генеалогию ее правителей

до легендарного Геракла и датируя крещение бургундов 15-м годом после смерти Христа.

Карьерам флорентинцев при дворах иностранных государей и их взглядам на благогодарное отечество посвятила доклад И.А. Краснова (Ставропольский ГУ).

В.А. Дятлов (Черниговский ГУ) остановился на воззрениях и жизненной стратегии немецкого реформатора Карлштадта, который несколько ранее Лютера призвал очистить церковь и вернуться к первоосновам христианства. По мнению докладчика, личные неудачи Карлштадта и, видимо, обретенные комплексы сделали его проповедником бедняков, крестьян и ремесленников.

Только один доклад был сделан на материале российской истории. Его произнес Ю.В. Кривошеев (СПбГУ), остановившись на известном эпизоде топтания басмы Хана Ахмата царем Иваном III. По мнению докладчика, басма являлась пайдзой, на которой изображался лик хана. Присланная Ивану III пайдза была сделана из дерева и, видимо, после топтания сломалась.

Конференцию следует считать успешной. Прослушанные доклады и сообщения позволяют судить о современных фокусах отечественной медиевистики.

А.Г. Еманов, С.В. Кондратьев (Тюм ГУ)

Медиевистская сессия «Проблемы истории Средних веков в российских университетах» (Москва, 23.01–05.02.2006)

Под таким названием 23 января — 5 февраля 2006 г. прошла медиевистская сессия в Институте всеобщей истории РАН в Москве. Организатором выступил Центр западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени во главе с П.Ю. Уваровым. В ней приняли участие медиевисты, византинисты, слависты и русисты, специализирующиеся по средневековой истории, из более чем тридцати университетских центров России. В ее ходе были проведены проблемные лекции ведущих российских ученых по наиболее фундаментальным проблемам истории Средних веков, круглые столы, обсуждение докладов, объединенных важнейшими темати-

ческими приоритетами, презентации медиевистских структур ИВИ РАН, периодических изданий и издательских проектов медиевистического профиля как столичных, так и периферийных. Одним из компонентов сессии было разностороннее анкетирование участников, имевшее смысл диагностирования российской медиевистики.

Исходной проблемой стала проблема «феодализма» как ключевого понятия, определяющего «Средние века». Отечественная медиевистика, по заключению П.Ю. Уварова, за последние четверть века не создала в этой сфере почти ничего сколько-нибудь выдающегося, может быть, за единственным

исключением — монументальной монографии профессора МГУ И.С. Филлипова по средиземноморской Франции.

Именно он и выступил здесь основным экспертом. Игорь Святославович отметил, что в новейшей западной историографии наблюдается всплеск интереса к концепту «феодализм», достаточно вспомнить о серии полемических рецензий и более масштабных работ, вызванных монографиями Сьюзен Рейнольдс; в Европе и Северной Америке состоялся ряд симпозиумов и конференций на эту тему. Причинами такого повышенного интереса стало неоднозначное осмысление понятия «феодализм» в разных странах, в различных языковых традициях. Французское слово «feodal» не воспринимается как существительное; «feodalite» едва ли возможно перевести как «феодализм»; его перевод словом «феодальность» также недостаточен, еще хуже по-русски звучит — «феодалство»; скорее всего, французское «feodalite» надлежит понимать как мир феодальной элиты. Где-то с конца 70-х гг. XX в. стали особо остро ощущаться различия между языковой передачей средневековской терминологии в тех или иных национальных историографических традициях. Например, в итальянской историографии «феодализм» часто противопоставляется городу. В испанской историографии, напротив, «феодализм» поглощает город. Нередко «феодализм» мыслится как враждебность государственному порядку, синоним вольницы. Однако для немецкой историографии феодализм связан с государственностью, подразумевает порядок, насаждаемый государством. В английской историографии «феодализм» — правовая традиция, привнесенная с континента в ходе нормандского завоевания, представляет собой насильственно насаждающуюся извне систему. Довольно часто «феодализм» соотносят с собственностью. Однако во французской историографии «феодалство» обозначают по преимуществу сеньориальные отношения. Дискуссия о «феодальной революции», начавшаяся во французской историографии в 80-е гг. XX в. дала новый импульс теоретическим размышлениям о сути «феодализма». Нельзя забывать об импульсах, идущих от ощущения современной жизни, взаимоотношений между правом и властью, об импульсах, порождаемых феноменом локаль-

ной исключительности. Все это объясняет достаточно активное изучение феодальных институтов на Западе, тогда как в России подобная проблематика полностью «сдана в архив». До известной степени это объясняется усталостью от методологических проблем, но в еще большей степени — незнакомством с современной западной литературой.

Средние века, подчеркивал профессор Филиппов, отличались иным отношением к имуществу, иными принципами его распоряжения. Особое место в имущественных отношениях занимала обрядовая сторона — оммаж, фуа, инвеститура и др. Исключительное влияние имели род, отношение к публичной власти, ее прерогативам, связь феодального мира с церковью. Существуют достаточно критические высказывания по поводу концепта «феодализм»: Э. Прауговит о его «тирании», от которой надлежит освободиться; С. Рейнольдс пишет об устаревшем стереотипе воззрения на феодализм, производном от рассуждений февдистов, которые интерпретировали «кутюмы», «книги феодалов» и подразумевали под «феодалом» «благородное держание»; в действительности, «феод» и «вассалитет» далеко не всегда совпадают. Некоторые российские медиэвисты также считают «феодализм» мыслительным конструктом позитивистской науки XIX в.; это понятие не выводимо из источников и, следов Средних веков. А.Я. Гуревич, еще раньше, на заседании круглого стола «Феодализм перед судом историков» говорил о том, что и понятие «Средние века» — искусственно, чуждо эпохе, и его стоило бы заменить более подходящим определением; а термин «феодализм» с большим основанием мог бы быть заменен термином «адвентизм». Другие авторы предлагают вместо категории «феодализм» концепты «доиндустриальное общество», «протоиндустриальное общество», «сеньориализм», которые едва ли обладают большей познавательной потенцией; вспоминалось, что и предложенный еще в 20-е гг. XX в. термин «ментальность» претендовал на вытеснение «устаревшего» термина «феодализм».

Иной модус обсуждению проблемы завдала М.В. Винокурова, которая склонна интерпретировать феодализм как рентные от-

ношения по поводу земли, как мир манора. Тот же, в свою очередь, понимается как политико-правовая, хозяйственная единица, обладавшая самоуправлением и имевшая целью реализацию прав на ренту со стороны лорда и на доходы со стороны крестьян. Он включал в себя и статус лорда, и статусы крестьянства, явно преобладавшего. Феодализм, отмечала исследовательница, не уловим нарративными текстами, чтобы его зафиксировать, требуется обращение к иным источникам, массового характера, таким, как исторические описи, протоколы манориальных курий. Главным субъектом этих документов были крестьяне различных категорий, выступавшие держателями земли и обязанные уплатой ренты. Среди них до XIV в. решающую роль играли вилланы; они были лично зависимы, их статус подчинялся принципу крови, передавался по наследству; личным господином над ними был лорд манора; вилланы вместе с детьми составляли имущество лорда, они «не знали того, что будут делать завтра»; повинности вилланов не были определены и не были фиксированы; в отличие от прочих крестьян вилланы не были под судом общему праву. Однако в XIV в. стал закрепляться обычай «твердых рент», усилилась хозяйственная самостоятельность вилланов, обладавших «*dominium utile*», т.е. правом пользования; начался перевод вилланских держаний в копигольд, держание по копии манориального суда; копигольдеры стали платить сравнительно меньшие файны, ренты, герiotы и пр.; их держание сделалось наследственным и могло передаваться не только родственникам. В подобных рассуждениях Марины Владимировны феодализм переставал быть фикцией и обретал отчетливые социальные очертания. Исследовательницей акцентировалось внимание на институтах наследования («вдове право», «право вдовца», «вдова доля» и др.), иерархизации крестьянского мира, выделения крестьянских элит, на механизмах «исторической памяти», генетически передававшей чувство непрерывности бытия, обычности жизни, закреплявшей в традиционности, константности социальных устоев.

Не была обойдена вниманием проблема генезиса феодализма, тесно связанная с его дефиницией. Здесь вновь главным арбитром

суждено было стать И.С. Филиппову. Он еще раз затронул трудности теоретико-методологического, терминологического, хронологического и географического порядка. Обществу, условно обозначаемое «средневековым», само не осознавало своей «средневековости», или «феодалности», равно как и современное общество не идентифицирует себя с «капитализмом», или «новейшим временем». Средневековое общество неоднородно, дробно. Иногда говорят о его «многоукладности», но термин «уклад» отсутствует в западной медиэвистике, его невозможно передать при переводе. Средневековью присущи слабость рынка, государства, отсутствие возможностей для карьеры. Терминов для обозначения собственности не было, глагол «*possidere*» не использовался; в обращении было слово «*mans*», производное от глагола «*manere*» — находиться; использовались также глаголы «*habere*» — иметь, «*tenerere*» — держать; термин «*honor*» (достоинство) прилагался в Средние века не столько к лицу, сколько к имуществу. Средневековое общество оказывалось молекулярным, распадавшимся на множество стратов, групп. Что могло быть объединяющим его элементом? Товар? Сомнительно. Собственность? Тоже нет уверенности. Слово сочетание «частная собственность» — абсурдно в приложении к Средним векам, по крайней мере, к большей их части; оно не учитывает существование муниципальной, церковной, корпоративной, клановой собственности. Индивидуальная собственность, нормальное явление для современности, была немыслима в Средние века. Характерно, что в средневековых грамотах об отчуждении имущества фигурировало обозначение лица во множественном числе — «мы», в которое включались члены семьи, более отдаленные сородичи, соседи и т.п. Отчуждение имущества могло быть оспорено при нарушении процедуры, ритуала, жеста; сделка в Средние века могла быть обратимой; даритель сохранял некие права на дар и мог вытребовать его обратно при несоблюдении каких-либо условий. В Средние века много лиц могли заявить о том, что они являются собственниками одного и того же объекта. В данном случае речь шла о распределении дохода между иерархически организованными сособственниками. При этом

взаимность между ними не была равносильной: сеньор имел больше оснований на помощь, нежели вассал. Мир феодальной элиты и крестьян объединяло понимание имущества как общего достояния. Отчетливыми признаками феодального общества могли быть формирование «feodum», появление замков, складывание деревни и города, исчезновение рабов и появление зависимых крестьян, что стало наблюдаться на исходе раннего Средневековья.

В дискуссии по поводу выступления Игоря Святославовича приняли участие К.В. Хвостова, Б.Н. Флоря и др. В частности, К.В. Хвостова поддержала мысль о конструктивности понятия «феодализм». В отличие от веберовского идеального типа, концепт «феодализм» выступает мыслительной моделью, идеальной макротеорией, без которой невозможно описание средневекового прошлого, отображения его динамики. Вместе с тем, исследовательница отметила, что собственность должна находить не только социальное понимание, но и правовое, юридическое, экономическое. Она оспорила сравнение с современными отношениями собственности; по ее мнению, уместно проводить сравнение только с Античностью. Равно Ксения Владимировна не согласилась и с тем, что понятие лица по-настоящему проявилось только в Средние века; понимание юридического и физического лица было известно уже в римском праве. В средневековом обществе, по ее убеждению, проявились как факторы объединения, так и факторы разъединения, причем последние оказались более значимыми. Институт «feodum» возник, согласно испанским медиевистам, в X в. и относился первоначально к сфере фиска, публичного права. Замок также первоначально возник по инициативе государства: в IX в. образовались государственные замки и только позднее, в X в., появились частные замки. Последние упоминания о рабах относятся к XI в. Равно как и деревня представляла собой относительно позднее явление — X–XI вв. Что касается отсутствия понятия «собственности» в Средние века, то это вполне объяснимо тем, что исчезла римская юриспруденция, а университеты еще не зародились, и, следовательно, не было интеллектуальных сил, способных заниматься концептуализацией идеи possessio.

Б.Н. Флоря указал на трудности распространения понятия «феодализм» на другие части мира, лежавшие за пределами Западной Европы. К примеру, в Турции тимарная система очень далека от феодальных отношений. Иначе обстоит дело с Японией, где сложились сословия, иерархия, служба; здесь вполне возможно говорить о «феодальности». Это, по-видимому, может объяснить сегодняшнюю «капиталистичность» Японии.

Применимость термина «феодализм» к другим обществам, в частности, к Византии, стала объектом размышлений академика РАН Г.Г. Литаврина. Дореволюционные византинисты — В.Г. Васильевский, Ф.И. Успенский — спокойно относились к византийскому феодализму. Теперь склонны стыдиться этого термина. Ряд крупных западных историков — К.-П. Мачке, В. Зайбт и др. — говорят о феодализме в Византии. Но большая часть его не признает. Впрочем, зарубежных византинистов раздражал не термин «феодализм», а формационный принцип, который он невольно отражал. Нужно видеть и различия в понимании российскими и западными историками сути крестьянской общины в Византии, правового положения различных категорий крестьянства, взаимоотношений с властью, смысла проники, перехода от Античности к Средневековью (континуитета и дисконтинуитета), наличия поступательного потенциала в Византии. Российские византинисты говорят о дуализме общины, сочетании индивидуальной и общинной собственности. Нередко считают, что община умерла с парикией. Однако была тенденция регенерации общины. Вплоть до XIII в. она сохранялась, ее остатки прослежены Ю.Я. Вином. Община являлась коллективно ответственной перед властью, казной. Это позволяет говорить о «государственном феодализме». Согласно подсчетам Хенди, в тысячелетней истории Византии лишь 50–70 лет прошли без войн; в прочие, военные годы абсолютное большинство крестьян-ополченцев погибло, не возвращалось с полей сражений; поэтому 50–75% крестьянских хозяйств были вдовьями. Существовали государственные имения с париками; логофисии, или министерства, также содержали свои хозяйства с крестьянами. До половины земель в XIII в. принадлежало императору, государству и

центральных учреждениям. Н. Икономидис считал это регрессом. По римскому праву после 29 лет крестьянин приобретал квазисобственнические права, его не могли согнать с земли, даже император с его огромной властью. П. Лемерль, противник теории феодализма, заявлял, что в Византии не было инфеодации, отсутствовали сеньориально-вассальные отношения, не практиковалась субфеодация. Однако, по мнению Г.Г. Литаврина, феодализм не сводим к инфеодации и субфеодации. Существует спор об уровне доходов господина и крестьянина. М. Каплан утверждал, что особой разницы между ними не было, как не было и существенных отличий между свободными и зависимыми крестьянами. До XII в. до 50% крестьян оставались свободными. Однако в следующем столетии картина резко изменилась: уже в Никейской империи свободное крестьянство сохранялось только в горных районах. По данным Геннадия Григорьевича, существовала огромная разница между свободными и зависимыми крестьянами; последние платили втрое больше налогов. Были крестьяне, которые имели работников, рабов. Однако малоимущие крестьяне рассматривали парикию, отдачу под покровительство, как форму помощи. Византия не знала крестьянских восстаний, наподобие Жакерии, поскольку в империи налоговое бремя было относительно мягче, был выше прожиточный минимум. А.П. Каждан характеризовал Византию как полufeодальную монархию. И.П. Медведев писал о парламентарной монархии в Византии. Однако чаще строй Византии обозначают как таксис, т.е. порядок в обществе, государстве, церкви, семье, скрепленный обычаями, регламентом и церемониалом; таксис сдерживал императора и народ. П. Лемерль предложил теорию «блокированного общества», согласно которой Византия Палеологовской эпохи стремительно скудела, теряла перспективы развития, оказалась загнанной в угол, выходом из которого был только суицид. В противовес этому Геннадий Григорьевич обосновывал мысль о том, что поздняя Византия сохраняла тенденции поступательного развития, в ее экономике проявлялись новые формы предпринимательства, аренды и субаренды; жизнь Византии была прервана искусственно.

После византийского экскурса совершенно логичным было обсуждение проблемы русского феодализма, где главным оратором выступал И.Н. Данилевский. Концепт феодализма использовался для выяснения общего и различного, заимствований и оригинального. В то же время под «феодализмом» понимали самые разные явления: формацию, способ производства, поземельные отношения, политическую практику, юридические отношения, сеньориально-вассальную систему и т.п. Но здесь встает проблема ложных идентификаций, когда одним и тем же словом обозначают абсолютно несходные явления. Едва ли феодализм можно редуцировать к сеньориально-вассальной системе; не сводим он и к крепостничеству. Д.М. Петрушевский считал феодализмом на Руси XVI–XVII вв., т.е. на 600–700 лет позднее по сравнению с западным феодализмом. При этом русский феодализм определенно, оказывался без ленов, как системы даров. Но если «феодализм» было много, то что их могло объединять? Порой «феодализм» понимался как метафора. Вопрос о «феодализме» неизбежно влечет за собой вопрос о «Средневековье» в русской истории, поскольку обычно «Средними веками» называют период между древностью и Новым временем. Вместе с тем, компаративные изыскания довольно полезны. В свое время Д.Н. Егоров, проанализировавший множество хроник по истории Мекленбурга, установил высокую степень зависимости хроникальных повествований от языка Священного Писания с его метафоричкой, образностью, притчами. Подобное же явление наблюдается при чтении древнерусских летописей. Специальные исследования «Русской Правды» показали, что 80% текста представляют собой заимствования из «Библии», в частности, из «Второзакония». Игорь Николаевич большое внимание уделил топосам в древнерусских текстах. Нарративные тексты сплошь заполнены вставками. Обычно «вставками» считают такие фрагменты повествования, которые могут быть убраны, и сюжетная линия не будет прервана. Однако если последовать этому приему, убрать вставки и цитаты, то текст исчезает, его информативность приближается к нулю. С другой стороны, если опираться на вставки, то можно попасть в химеру. При чтении фрагмента «О взятии Рязани» определен-

но начинает слышаться другой текст — «Разорение Константинополя латинянами» из хроники Георгия Амартола и даже еще более ранний архетип из «Жизнеописания Василия Великого». Здесь возникает проблема «герменевтического круга»: части могут быть поняты тогда, когда понят весь текст, для чего требуется читать другие тексты. Это приводит к резкому расширению источниковой базы — Священное Писание, патристика, литургия, переводы древних текстов. Характерно, что большинство текстов, цитируемых автором, было известно аудитории, их хорошо знали и помнили.

Проблема феодализма неотделима от другой проблемы — потенций к саморазвитию средневекового общества, того, что было обозначено П. Ю. Уваровым «динамическим аспектом феодализма». М. В. Винокурова в этой связи обратила внимание на особую роль периферии, маргинальных областей, менее обремененных жесткой регламентацией: к примеру, Манчестер до XVII в. был маленькой, незаметной деревушкой, а затем выдвинулся в лидеры буржуазного развития. Исследовательница отметила тенденции коммерциализации в манориальном хозяйстве, выгодные и крестьянству, и лордам; показала возможности возвышения социального статуса крестьян. Согласно праву, подчеркнула Марина Владимировна, нельзя было создать низкого держания из высокого; скажем, из фригольда сделать копигольд. Но правовых препятствий для социального восхождения не существовало. Другой важной чертой развития манориального хозяйства в позднее Средневековье стала его урбанизация: топография поселений манора приобретала, определенно, городской характер (мощные улицы, каменная застройка, выделение площадей); формировался рынок; земельные наделы сокращались; появлялись неземледельческие занятия населения. Некоторые исследователи говорят о «сельских поселениях городского типа», о «маноре-городе» как примете позднего Средневековья — раннего Нового времени. Владелец относительно небольшого фригольда, дававшего доход 40 шиллингов в год, становился полноправным, мог участвовать в парламентских выборах; такой доход крестьянин мог получать с 7 акров земли; это

был минимальный барьер для прохождения в гражданское общество. Сегодня невозможно говорить об огораживаниях как о способе экспроприации крестьянства; расхожая формула «овцы съели людей» — нереальна; наблюдалось увеличение копигольдов, появлялся «дворянский копигольд», держатель которого консолидировал в своих руках значительный земельный массив; подобные копигольды освобождались от файнов; их объединения составляли локальную элиту (микророзлиту), получавшую право на хозяйственную деятельность в маноре; владельцы таких копигольдов не создавали мануфактур, но заметно округляли свои владения, переходя к хозяйству фермерского типа. Обычно поступательное развитие экономики позднего Средневековья связывают с арендой. В действительности, существовали феодальные формы аренды; они отличались длительностью арендного срока — до 99 лет, отработками, уплатой гериота, файна; в таких формах аренды всегда были субдержатели, обычно отсутствовавшие в описях, поскольку не они вносили рентные платежи, а стоявшие над ними держатели; существовали договоры об аренде; арендатор создавал совокупный продукт, получал доход, часть которого шла в качестве арендной платы, платы наемным работникам, на воспроизводство, а оставшаяся часть составляла прибыль; арендатор изыскивал ресурсы коммерциализации, а лорд ограничивал эти возможности, используя традиционные феодальные средства. В целом, по оценке профессора Винокуровой, XVI–XVII вв. в историографии сильно модернизируются.

В. Н. Малов остановился на проблеме усиления государственного начала в позднее Средневековье, на проблеме абсолютизма. Одни исследователи склонны считать, что абсолютная монархия существовала всегда; другие, напротив, полагают, что ее не было никогда; и в том, и в другом случаях абсолютизм не мог выступать особым маркером позднего Средневековья. В российской историографии, утвердилась традиция восприятия абсолютизма как особой стадии, особого этапа в развитии феодального общества. Существовала теория временного равновесия социальных сил, в условиях которого и оказался возможен абсолютизм. Б. Ф. Порш-

нев утверждал, что абсолютизм возник из потребностей господствующего класса подавлять социальный протест. В.Н. Малов также убежден, что государство всегда обслуживает интересы наиболее влиятельных социальных групп. В ходе дискуссии говорилось об отходе в современной медиевистике и новистике от категории «абсолютизм», о стремлении найти более реальные определения государственного устройства переходной эпохи. В частности, П.Ю. Уваров говорил о понятиях «ренессансное государство», «монархия барокко», «административная монархия». А.Ю. Прокопьев, вслед за немецкими специалистами по европейской истории XVI–XVII вв., считал возможным обозначать переход от универсальных моделей управления к региональным «конфессионализацией». В обсуждении проблемы динамического аспекта средневекового общества обращалось внимание на такие феномены, как рецепция римского права XI–XII вв., «интеллектуальная революция» XIII в., приведшая к образованию европейских университетов, «торговая революция» XIV в., революция в навигации XIV–XV вв., «информационная революция», связанная с книгопечатанием; отмечалось и особое влияние на европейское развитие негативных факторов — «демографической катастрофы» середины XIV в., кризиса XIV–XV вв.

Особое внимание в ходе сессии было уделено новым направлениям современной медиевистики. Одним из первых выступающих здесь стала С.И. Лучицкая, которая говорила об «иконическом повороте», наблюдающемся в последнее время в медиевистике. Изображение стало рассматриваться как важный исторический источник по истории ментальностей, социальной психологии. Изображения Средних веков не являлись искусством, они представляли собой сакральные, литургические образы (*imago*); образ выступал соединением видимого и невидимого; существовала проблема контроля над образами, дабы они не превращались в идолов; они были средством утверждения власти, своего рода *instrumentum regni*. Существовала кодификация иконографии, когда в каноническом праве, в постановлениях соборов и буллах римских пап фиксировалось, что позволяет и что запрещается изобра-

жать. Исследовательница говорила о «пикторальной революции» в Средние века, когда изображение заняло положение большее, чем письмо; в Средневековье стала возможна максима «*pictura quasi scriptura est*», когда живопись воспринималась как Писание. В то же время существовала проблема верификации изображений, отличия истинных образов от ложных, кажущихся; разграничивались «*ars sacra*» и «*ars mundana*».

Продолжая имагологический экскурс, А.П. Черных обратился к языку блазонирования, который был распространен гораздо шире, чем принято считать, поскольку геральдические знаки использовались в Средние века всеми, не только рыцарством, но и монашеством, бюргерством, крестьянством. Существовали универсальные гербовники, включающие гербы универсума; наблюдалось совмещение гербов предков реальных и мнимых; циркулировали гербы мифических персонажей; гербы, геральдические знаки, личные эмблемы можно было встретить повсюду — на фризах домов, тканях, посуде, в письмах, на странице «анонимной» хроники, в документах. Понимание подобного языка создает немалые трудности. Запомнилось высказывание Александра Петровича о «всеобщей истории как вспомогательной исторической дисциплине геральдики».

Ю.Е. Арнаутова говорила об изучении средневековой мемории. В Средние века существовала особая традиция *ars memoriae*, *ars memorativa*, искусства удержания знания, информации, фактов; оно реализовывалось в ритуалах, литургическом действе, составлении *libri memoriales*, поминальных списках, некрологах, упорядоченных по месяцам и дням, в разнообразных практиках коллективных церемоний, возведении культовых построек и т.п. Мемориальный аспект пронизывал все сферы жизни средневекового общества, проявлялся во всех источниках. Средневековое общество представляло собой сообщество живых и мертвых. Мемория оценивается современными исследователями как коллективный феномен, протоформа культурной памяти. Мемория была не только воспоминанием о социальных, правовых, моральных действиях, но и актуализацией знания об ушедших, которые принадлежали как прошлому, так и настоящему. Традиция ме-

мории исчезла, когда изменились отношения между живыми и мертвыми, а именно: в эпоху Просвещения; хотя первые симптомы проявились раньше, после чумы середины XIV в., когда из гигиенических соображений мертвые стали отделяться от живых. Особую роль в средневековом обществе играли хранители памяти — священники, клирики. Каждые 40 лет происходила смена поколений, менялся профиль памяти, система ожиданий, надежд; то, что было доминантой памяти в прежнем поколении, вытеснялось на периферию с наступлением новой генерации. Коллективная память конструировалась и поддерживалась при посредстве особой мнемотехники, установления памятных знаков, проведения границы между запоминанием и забвением, важным и неважным; в коллективной памяти выбиралось достойное, недостойное элиминировалось. В культурной памяти особое место занимала идея жертвенности, воспоминание о невинно убиенных. Затрагивался вопрос об отношении историка к памяти. Еще П. Нора говорил, что «память враждебна истории», она меньше всего заинтересована в историчности аргументации. Однако и история убивает память. Э. Трельч в этой связи заявлял о кризисе современного историзма, который дал колоссальный прирост знаний, но одновременно и обесценил само историческое знание, не дав жизненных ориентиров, все сделав условным и относительным. «Зачем в таком случае нужна история?» — поставила вопрос Ю.Е. Арнаутова. Л. фон Ранке считал, что она нужна для продуцирования фактов; само слово «факт», с немецкого языка «Tatsache», «вещь творения». История стала болезнью, маниакальным состоянием. Ф. Ницше требовал, чтобы история прекратила производить факты, но чтобы стала заниматься тем, чем она обязана заниматься — судить и выносить приговор современности. И.Г. Дройзен характеризовал историю как опытную науку, дав импульс для долгого спора фактологов и фикшюнистов. Однако история не сводима ни к одному из приведенных пониманий. История представляет собой знание особого порядка, знание избирательное и одновременно тяготеющее к целостности, к реконструкции цельного образа прошлого, разумеется, идеального, но пригодного для об-

ретения самоидентичности. Функция историка состоит в накоплении, хранении и интерпретации знания.

Е.А. Мельникова охарактеризовала направление устной истории, которое достаточно интенсивно развивается в западной медиэвистике в последние двадцать лет и стало проявляться в российской медиэвистике в последнее десятилетие. Устная традиция особенно долго сохранялась в Северной и Восточной Европе в самых различных формах — предания, сказания, эпос, песни и т.п. Эпические архетипы являются неизбежным конструктивным элементом любого средневекового повествования, любой наррации, которые требуют особой техники исследования.

Л.П. Репина отметила новые тенденции в интеллектуальной истории. Центр исследования интереса здесь переносится на субъективные представления, мысли, способности, интенции индивида, проявляющиеся в пространстве возможностей, ограниченные культурными практиками, коллективными структурами. Объектом изучения становятся навыки мышления, манера думать, продуцирование идей («высокологичными») интеллектуалами, распространение идей в общественном сознании, их циркуляция.

А.Г. Суприянович осветила тенденции развития гендерной истории. Современные теоретики гендера различают восемь полов, которые определяют различные поведенческие стратегии. Исследовательница отмечала интерес к деятельности женщин-писательниц; особое положение занимали женщины-затворницы, получавшие право говорить или писать. Достаточно дискуссионными оказываются еще недавно немислимые вопросы о «женском католицизме», «женской религиозности», женском восприятии культа Христа и др.

Особое место в ходе сессии заняло обсуждение проблемы преподавания «Истории Средних веков» в вузах и школах, анализ соответствующих учебников нового поколения вузовского и школьного уровня. Первая роль здесь была отведена члену-корреспонденту РАН С.П. Карпову, руководителю большого авторского коллектива двухтомного университетского учебника «История Средних веков». Сергей Павлович отмечал нарастание критики образовательной реформы,

самой идеи подчинения образования рынку; он говорил о неприемлемости прагматического подхода в образовании и науке. Главными ориентирами в образовании должны оставаться фундаментальность, формирование всесторонне развитой личности; образование должно соответствовать традициям, принципам нравственности. В российском образовании всегда существовала университетская автономия; ректор и администрация никогда не были назначаемы; университет всегда обладал привилегией, за предоставление которой не требовались отдачи. Профессор Карпов выразил критическое отношение к Болонскому процессу: западное образование на уровне бакалавра не обладает системностью, дает слабые общие знания; прорыв наблюдается на уровне магистратуры, куда попадает только каждый четвертый студент, и в еще большей степени — на уровне докторантуры, которую заканчивают единицы; Болонский процесс надо принять, но нужно сохранить российский позитивный опыт образования; нужно восстановить систему факультетов повышения квалификации, стажировок, которая существовала в СССР. Сергей Павлович говорил о разработке Государственных образовательных стандартов по истории третьего поколения, в которых будут компоненты федеральный и университетский, но при этом есть опасность введения псевдопредметов, как, например: «Россиеведение» и т.п. В ГОС закладываются принципы современной фундаментальной науки, современный опыт преподавания, усиление специализации. Он выразил резкое неприятие Единого государственного экзамена в средней школе; приемлемы олимпиады и тесты для контроля остаточных знаний. Ученый высказал озабоченность состоянием подготовки по истории в средней школе; там не должно быть лекций и семинаров, там не должны вести занятия профессора, но следует восстановить традиционную выучку. Он говорил о возможной перспективе создания университетских округов, которые будут патронировать школу, реализовывать ФПК для школьных учителей истории, преподавателей средних специальных учебных заведений. Требуются и иные принципы формирования библиотек за счет расширения фондов мультимедийных изданий, электронных журналов,

баз данных, справочников. Профессор Карпов с горечью говорил, что российских медиевистов на Западе не слышат, не читают, не понимают, хотя есть феномен «духовного донорства», когда оригинальные идеи русских медиевистов транслируются на западных языках и заимствуются западной медиевистикой.

Пожалуй, впервые перед подобным форумом российских медиевистов предстал весь авторский коллектив учебника «История Средних веков» во главе с ответственным редактором; авторам задавалось множество вопросов, порой довольно жестких; звучали критические суждения, некоторые предложения и рекомендации, например: по изданию серии монографий по фундаментальным проблемам курса; изданию пособий «instrumenta studiorum», справочника с биографиями медиевистов и т.п.

В продолжение этой линии дискуссии В.А. Ведюшкин дал анализ учебников по «Истории Средних веков» для школ. Он отметил, что в учительской среде продолжают пользоваться большим авторитетом учебники давно покинувших сей мир Г.М. Донского (ум. 1990) и Е.В. Агибаловой (ум. 1966), которые выдержали десятки изданий и тиражируются до сих пор. Кроме этого, используются учебники А.А. Сванидзе, Н.И. Девятайкиной, М.А. Бойцова и Р.М. Шукурова. В них «феодализм» признается феноменом, свойственным только Западной Европе XI–XV вв. В учебнике Сванидзе понятие «феодализм» исчезает, встречается лишь упоминание слов «феод», «феодал»; причем можно заметить, что эти термины не прилагаются по отношению к Византии, Америке, Востоку, локализуясь исключительно Европой. Вообще Средневековье носит явно европейский характер; более обширно внеевропейская тематика представлена в учебнике Бойцова и Шукурова: 7–8 параграфов из 55; при этом, в параграфах о Востоке нет имен деятелей культуры, кроме европейца Марко Поло.

Нельзя не сказать о серии презентаций, среди которых выделялись представления академических изданий по медиевистике, как давно утвердившихся («Византийский временник», «Средние века»), так и новых («Одиссей», «Казус», «Адам и Ева» и др.), характеризовалась меняющаяся идеология изданий, планирование сателлитных изданий

источников, трудов молодых медиевистов и др. Высказывались порой острые суждения в адрес отдельных изданий: скажем, «Средние века» критиковались за медленность, длительность производственного цикла, значительное отставание библиографической информации; «Одиссей» характеризовался как суперзакрытое издание, ориентированное на изучение человека вне общества, а «Казус» назывался склонным к мелкотемью. Высказывались суждения о создании электронной версии «Средних веков», о необходимости размещения периферийных изданий

по медиевистике на общероссийском сайте orbis.medievalis.nm.ru. Озвучивалась мысль о вакууме информации с периферии — о медиевистских конференциях, семинарах, монографиях, учебных пособиях, переводах, сборниках. Делалось предложение о пополнении «цеха медиевистов».

В целом, программа форума оказалась максимально насыщенной, была реализована в конструктивной, плодотворной дискуссии, обогатившей российское сообщество медиевистов.

А.Г. Еманов (ТюмГУ)

О мастер-классе «Перспективы развития новой социальной истории» (Тюмень, 03.05.2006)

3 мая 2006 г. в зале научного работника информационно-библиотечного центра ТюмГУ состоялись лекция и семинарские занятия, проведенные доктором исторических наук, руководителем отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории (ИВИ) РАН (г. Москва) Павлом Юрьевичем Уваровым. Инициаторами его визита в Тюмень стали профессора Института истории и политических наук ТюмГУ С.В. Кондратьев и А.Г. Еманов. Мастер-класс, в первую очередь, был адресован аспирантам ИИИПН всех курсов и видов специализаций, а также студентам 2–4 курсов специальности «история» специализации «история Средних веков».

Значимость этого события для учебной и научной жизни ИИИПН трудно переоценить уже хотя бы потому, что Павел Юрьевич стал первым со времени основания высшего исторического образования в Тюмени представителем ИВИ, выступившим в Alma Mater. Он, безусловно, является одним из лидеров современной российской медиевистики, талантливым организатором науки. Под его непосредственным руководством в июне 2001 г. в ИВИ состоялась школа «Как быть медиевистом», большинство молодых участников которой к настоящему моменту защитили кандидатские диссертации, но продолжают активно с ним сотрудничать, искать у него консультации и действенной помощи.

Павел Юрьевич человек незаурядный, эрудированный, с яркой и интересной личной, преподавательской и научной судьбой. В его жизненном активе и военные сборы в Кантемировской дивизии, где его безуспешно учили водить бронетранспортер, и работа в одной из московских школ, навсегда внушившая ему ужас от перезаряжаемых кусочками бумаги или пластилина трубочек, также тщетно конфискуемых им у пятиклассников. Выпускник истфака Московского государственного педагогического института (ныне университета) им. В.И. Ленина, Павел Юрьевич работал научным сотрудником в отделе редкой книги ВГБИЛ им. Рудомино (и поныне знаменитой «иностранки!»).

Круг его научных интересов, что, в общем-то, закономерно, был сформирован во многом в период подготовки им кандидатской диссертации, посвященной истории французского общества XVI века. Впоследствии он был лишь расширен за счет новой источниковедческой базы и применения оригинальной методики исследования нотариальных актов. Это нашло отражение в его недавно защищенной докторской диссертации. Показателем несомненной значимости научного и учебно-методического опыта Павла Юрьевича является и его участие (совместно с М.Ц. Арзаканян и А.В. Ревякиным) в создании вузовского учебника по истории Франции (М., 2005). В преподавательской де-